

37.03.2000

ЗВЕРСКИЙ

Танец маленьких лошадей

Хотя слово "лошадь" тут не совсем уместно. Лошадь — это когда сегодня в Большом театре в "Дон Кихоте" выводят кобылу, и она наваливает огромную кучу. Все зажимают носы, из-за кулис выбегают тетки с совками и тряпками. И начинается сплошной экстаз.

А вот конный балет, вошедший в моду при многих европейских дворах в конце XVI века, — это совсем другое. Вот это было зрелище! Здесь соединялись в красочное действо музыка, пение, декламация и выступления безупречно дрессированных лошадей. На обширных ристалищах, окруженных зрителями, кони и всадники претворяли в действие драматические сценарии, сочиненные в духе величайших поэтов. Всадники гнали лошадей то рысью, то галопом, на скаку заставляли их исполнять фигурные прыжки, собираться в разнообразных группах: парами, четверками, восьмерками. Геометрические конные построения казались ожившим лабиринтом. Природная грация благородных животных придавала строгому рисунку танца, который они вычерчивали, притягательную силу и красоту. Горячий полетный бег, ветер, запутавшийся в шелковых гривах, серебряный цокот копыт, отбивающих виртуозные балетные па!.. Сегодня о таких изысках можно только мечтать. Они ушли в прошлое, как и роскошная эпоха, их породившая.

Живодер Дидло

Но любовь к животному царству не пропала. Она жила и развивалась. Так, французский балетмейстер **Артюр Сен-Леон** хореографически оформил сказку Петра Ершова "Конек-Горбунюк". Но одного "Конька" ему оказалось мало, и он сочинил еще и "Золотую рыбку". Большим любителем животных оказался и другой прославленный француз **Шарль Дидло**. Для балета "Амур и Психея" он придумал необычный трюк. Балетмейстер выпускал под самый купол сцены стаю живых голубей. Но живыми они были только наполовину. Хитрюга Дидло надевал на них специальные эластичные корсеты с пристегнутыми к ним тоненькими проволочками. Управляемые из-за кулис, птицы выполняли строгую волю балетмейстера, исполняя в воздухе тот танец, который он для них сочинил на земле. Но что голуби! Еще один француз, **Мариус Петипа**, в балете "Дочь фараона" выводил на сцену целый зоопарк. Здесь появлялись живые и бутафорские верблюды, обезьяны и даже лев. А в "Спящей красавице" у него весело резвились Фея канареек, Белая кошечка, Кот в сапогах. Кстати, один из самых популярных "птичьих" дуэтов — па-де-де принцессы Флорины и Синей птицы — также принадлежит великому волшебнику Петипа. Этот полетный дуэт давно стал маленьким балетным шлягером. Есть и балет "Волк" современного французского хореографа **Ролана Пти**. Где волк не хищное животное, а нежное существо, влюбленное в девушку. Люди-звери жестоко преследуют и убивают волка на глазах у возлюбленной.

Скандалный миг оргазма

А с "животным" балетом **Вацлава Нижинского** "Полуполуденный отдых фавна" связан самый громкий балетный скандал. "Фавн" идет десять минут, а разговоры о нем длятся весь двадцатый век. Что же здесь оказалось такого,

что перетревожило не только зрителей, но даже покровителя Нижинского, властного хозяина Русских сезонов **Сергея Дягилева**?

Увидев "Фавна" на репетиции, Дягилев пришел в ужас, он требовал переделать балет, грозил, что никогда не покажет его в Париже. И лишь после того, как **Лев Бакст** назвал первое хореографическое сочинение Нижинского "сверхгениальным", Дягилев смирился и представил его парижанам. Пугала Дягилева хореографическая новизна, то, что в "Фавне" не было ничего от знакомых балетных построений. Все казалось резким и необычным. Но было тут нечто шокирующее не только в форме, но и в содержании. И это "нечто" 29 апреля 1912 года взорвало парижский театр Шатле. Никто не мог и представить, чтобы на сцене происходило такое!..

Высоко на пригорке со свирелью в руках лежит на спине не то человек, не то зверь. Раскосые глаза, припухлый рот, удлинненные, как у жеребенка, уши, на голове маленькие рожки. Тело, затаенное в "звериное" трико, кажется неприлично обнаженным. Вот на сцене появляются нимфы. Одна из них решает искупаться. Фавн-Нижинский, сгорая от любопытства, тихонько подкрадывается к ним. Увидев его, нимфы в испуге убегают, лишь Купальщица остается. Фавн, не понимая, что с ним происходит, как глупый маленький звереныш, преследует ее. Но возвращаются подруги и спасают Купальщицу от горячего внимания Фавна. Убегая, нимфа забывает покрывало. Фавн подбирает его и в стремительном прыжке взлетает назад, в свое логово. Подносит покрывало к раздувающимся ноздрям, затем растоптывает и сладко вытягивается на нем. Голова откинута назад, ноздри трепещут, рот распахнут в беззвучном жарком крике, по телу судорогой прокатывается волна восторга.

Когда занавес закрылся, аплодисменты смешались со свистом и шумными протестами. На другой день владелец и редактор газеты "Фигаро" **Гастон Кальмет** писал: "Перед нами не знающий стыда Фавн, чьи движения гнусны, чьи жесты столь же грубы, сколь непристойны. Справедливыми свистками была встречена столь отвратительная мимика этого звероподобного существа, чье тело уродливо, если смотреть на него спереди, и еще более отвратительно, если смотреть в профиль. Эту животную реальность достойный уважения зритель не примет никогда". Другую крайнюю точку зрения высказал **Огюст Роден**: "...ничто не может тронуть так душу, как последний жест Фавна, когда он падает на забытый шарф и страстно его целует. Мне хотелось бы, чтобы каждый художник, действительно любящий искусство, увидел это иде-

"Умирающий лебедь" Иветт Шовире.
Фото: SEEHENGER

Моск.комсомолец -
2000 - 31 марта -
с.6

альное выражение красоты, как ее понимали эллины". А "животная реальность" Нижинского и сегодня одна из самых притягательных для звезд балета, свой сладкий миг оргазма в ней переживали **Серж Лифарь, Рудольф Нуреев, Эрик Вю Ан, Патрик Дюпон**.

Последний вздох души

Есть еще одно маленькое балетное сочинение из животного мира, появившееся примерно в одно время с "Фавном" и пронизавшее XX век своей печальной красотой. Это "Лебедь" **Михаила Фокина** на музыку Сен-Санса. Впервые номер был исполнен 22 декабря 1907 года. С тех пор "Лебедь", умирая, вновь и вновь возрождается в жизни. Эта незатейливая хореографическая композиция способна перевернуть душу, если ее исполняет великая балерина. Поставлен "Лебедь" был для **Анны Павловой**. Сначала миниатюра называлась "Лебедь", и лишь спустя некоторое время появилось определение "умирающий". Павлова танцевала этот монолог о жизни и смерти почти до самой смерти. Последними словами балерины были: "Приготовьте мой костюм Лебеда". А в ее лондонском доме "Айви Хауз" (Дом в плюще) был парк с прудом, где плавали красивые белые птицы с подстриженными крыльями. Павлова любила ласкаться и играть с ними, позировать фотографам. Многие из лебедей, не выдержав неволи, погибали, заставляя хозяйку плакать, но она вновь и вновь повторяла этот жестокий опыт.

Но кроме академического, белого, когда-то существовал и черный "Лебедь". Его создал балетмейстер-новатор **Николай Фореггер**. Это была злая, взъерошенная птица в черной лачке и с копной вороных перьев на голове. Умирала она не красиво-печально, а уродливо. Взметнувшись вверх, падала как подстреленная и застывала в жалкой, смешной позе со скрюченными ножками.

Как-то организаторы одного из концертов решили свести вместе классического "Лебеда", его танцевала **Екатерина Гельцер**, и фореггеровского. Правда, поставилась, что ей предстоит увидеть. Припав к занавесу, она в дырочку наблюдала за своей черной соперницей, приговаривая: "Ах, мерзавка, ах, подлая, вот негодница! Кого она пародирует? "Лебеда"? Ну просто дрянь!"

Белого "Лебеда" балерины танцуют и на заре туманной юности, и на злате карьеры. Что касается перебора ног и колыхания рук, с этим справляются все. А вот передать трагизм композиции, мистический переход из бытия в небытие, последний вздох души Лебеда (именно в образе Лебеда душа странствует по небу) удается немногим. Одной из величайших исполнительниц "Лебеда" стала **Майя Плисецкая**. Впервые выйдя Лебедем в шестнадцать лет, балерина исполнила его и на юбилейном вечере, посвященном ее 70-летию.

Нет ничего странного, что эта миниатюра стала самой любимой в двадцатом веке. С нее он начинался, ею и заканчивался. Лебедь — символ чистоты, совершенства, невинности. Но слишком часто за его белоснежным оперением стремятся укрыться черные, злые силы. Поэтому неудивительно, что "Лебедь" так полюбил двадцатый век — ведь он и сам такой, двуликий, обманчивый, бело-черный.

Павлова Анна